

В ОДНОМ ПОДМОСКОВНОМ ГОРОДКЕ

Незаконченный рассказ.

Темная октябрьская ночь плотно закутала узкие грязные улицы и всей своей темной массой навалилась на серые приземистые домишки с мокрыми крышами, припала к земле. Эта черная липкая масса проникла во все щели дворов и добралась даже до человеческой души, и какая-то невыносимая тяжесть легла на все: на деревья, дома, на телеграфные провода, которые гудели от напряжения внутренних сил. Все предметы были невидимы, прижались к темной пелене ночи, словно готовясь к прыжку увиденной своей жертвы. Лишь кое-где пугливый луч света, пробиваясь сквозь неплотно прикрытые ставни окон, попадал в эту холодную чернь, которая мгновенно, без шума, поглощала его, и он, слабо дрожащий, где-то терялся. Было сыро и холодно. Мелкий дождь вот уже вторые сутки словно сквозь сито рассеивался по мокрой земле, которая, наполнив свои внутренности, отплевывалась грязными лужами. Несмотря на раннее время, девять часов вечера, на улицах уже было безлюдно и пустынно. Зловещая тишина угнетала, и от этого безмолвия звенело в ушах и слышались глухие удары стучавшей в висках крови. При одном воспоминании, что враг под Москвой, у него слезы подкатывались к горлу, душили, он глухо кашлял и отплевывался, словно выплевывал горечь слез. Рассуждая с собой, он думал: "Нет! Не может этого быть! Восемьсот двенадцатый год прошел по истории, тогда тоже столько всего перенесли, но победили, а случаи в истории не повторяются.

Отдать Москву - отдать сердце. А что значит вытащить сердце у человека, у животного, у Родины? Что происходит, когда сердце человека прекращает свою нормальную деятельность? Нет, я еще хочу жить, я только открыл глаза и увидел свет прекрасной радуги, которая зажглась над моей Родиной. Жизненный луч солнца долгие годы пробивался к ней из тьмы самодержавия, он только начал обогреть ее, как снова налетел ураган и, угрожая, хочет заковать ее во мрак по-прежнему. Таких, как я, двести миллионов, и мы должны отстоять свою жизнь».

И ему вспомнилось одно выражение, которое он где-то слышал или вычитал: «Жить - бороться, умирая - бороться, но побеждать». С такими тяжелыми думами Владимир Николаевич Борисов шел в контору районного управления электрических сетей, куда его срочно вызвали по телефону.

Борисову было двадцать девять лет. Он до двенадцати лет жил и воспитывался в деревне. Окончил начальную, затем среднюю школу, позже - техникум и пришел работать на производство еще желторотым специалистом. На этом предприятии он работает уже восемь лет, сжился с ним и полюбил его всей своей пылкой душой, отдавая все знания и силы, чтобы оно работало, как говорят, без сучка, без задоринки.

И вот теперь все, что он имел, у него хотят отнять, а самого превратить в раба, в немецкого холоуя, который должен тянуть лямку угнетения и влачить животную жизнь, должен отказаться от своих мыслей и заветной мечты.

А он мечтал о многом: о плодотворной кипучей работе, о людях, которые творят большие дела, и он с головой ушел в эту жизнь, он чувствовал ее ритмичное дыхание, и его пульс бился вместе с ее пульсом.

Входя в кабинет Алексея Федоровича Дронова, начальника сетевого района, Борисов увидел сидящих за столом с угрюмыми лицами главного инженера Александра Васильевича Хамова, парторга Зайцева и молодого монтера Костина, они сидели молча, каждый со своими думами, в кабинете было много дыма, и пепельница была завалена окурками.

Борисов прошел, сел на свободный стул, на каждого посмотрел испытующим взглядом и решил: что-то случилось неладное. Не выдержав, спросил:

- Почему вы молчите? Или языки ваши сегодня выходные? Зачем звонили?

Хамов, выжимая из пачки папиросу, медленно процедил сквозь зубы:

- Звонил директор и дал распоряжение подготовить оборудование к взрыву. Сейчас нужно связать в пачки тол и подложить под оборудование.

- А что слышно нового, далеко чума от Москвы?

- Официально ничего нет, но ходят слухи, что на северо-западе

километрах в тридцати.

- Близко, гад. Ну, что ж, раз взрывать - так взрывать. Так приказал Сталин. Свою скорбь и слезы мы должны спрятать подальше, для того чтобы просторней было ненависти к выродку человечества, который пришел на нашу девственную землю и обесчестил ее.

Голос у Борисова дрожал и срывался, к горлу подкатывались слезы и сдавливали дыхание, он отвернулся, немного помолчал, потом снова заговорил уже ровным, спокойным голосом, как бы мечтая вслух:

- Семь лет я ухаживал за оборудованием, мыл, чистил его, ночей не спал, все отдавал, чтобы оно работало, как часовой механизм. Я помогал моей Родине подниматься в гору, чтобы, добравшись до вершины, крикнуть оттуда всем: смотрите, мол, мы еще молоды, но творим чудеса! Кто вы и какое вы имеете право смотреть на нас коровьими глазами и мычать, сея клевету о прекрасной России?!

Он круто повернулся на одном месте и пристально посмотрел на сидящих. Его глаза были широко раскрыты, в них была вся сила ненависти, все презрение к врагу и бесконечная любовь к Родине.

Пока Борисов рассуждал, Костин принес ящики с толлом и поставил на стол.

Борисов подошел к ящику, открыл крышку, вынул маленький, похожий на туалетное мыло, кусок тола, повернул его несколько раз в руках и сказал:

- Понимаете, товарищи, вот эта вещь весом в 100 граммов разорвет в одну секунду все, что мы создавали годами, и в этом кусочке желтой массы скрыто столько силы, столько ненависти, которая взорвет не оборудование, а взорвет того, кто задумал обладать нашим добром. Так говорит Сталин. Когда этот тол делали, рабочие вложили в него всю свою любовь к Отчизне и ненависть к врагу, поэтому он обладает такой страшной силой.

Все трое молча брали из ящика тол, укладывали его в строгие квадраты, обматывали тканью и завязывали шпагатом. Затем прорезали отверстия для детонаторов и готовые свертки откладывали на угол стола. Покончив с упаковкой взрывчатки, Борисов встал, потянулся и, обращаясь к Хамову, спросил:

- А где же наш хозяин? (Хозяином он называл Дронова.) Что-то

от него не слышно ни звука?

- Не знаю. Я сегодня звонил ему домой, хозяйка квартиры ответила, что его уже нет вторые сутки, в дирекции тоже ответили, что никто его не видел.

- Что ж, выходит, сбежал в неизвестном направлении. Хорош член партии, защитник Родины, если мы все будем так ее защищать, то, я думаю, нашей земли не хватит и на две недели. Зайцев, все время молчавший, вдруг оживился и, подергивая носом, заговорил своим певучим голосом:

- Не может быть, чтобы он сбежал, наверное, отсиживается в Москве и выжидает, а может быть, и в эшелоне где-нибудь сидит.

- Денег он из кассы не взял?

- Нет.

- Зачем он все-таки поехал в Москву, ты не знаешь, Александр Васильевич?

- Нет, не знаю, он даже мне не сказал, что уезжает.

Было уже два часа ночи, когда Зайцев встал, зевнул и сквозь зевоту проговорил:

- Ну, что же, Костин, пойдем немного поспим, а они посидят. В случае чего дадите знать, раздеваться не будем.

Костин молча поднялся, и они вместе с Зайцевым пошли в общежитие, где жили все, кто был переведен на казарменное положение.

Когда захлопнулась дверь, Борисов достал папиросу, закурил, чтобы разогнать сон, решил по душам поговорить с Хамовым.

- Знаешь, Александр Васильевич, мы с тобой жили дружно, вместе ездили отдыхать в дом отдыха, можно сказать, хорошие товарищи. Ведь так?

- Так.

- Вот сейчас, когда наша Москва в опасности, немец от нас всего километрах в 50 - 60, ты думал о своей дальнейшей судьбе? Ведь ты, не забудь, член партии.

- А что думать? Если, по отчаянию, немец придет сюда, взорвем оборудование, машины наготове, сядем и поедем, куда прикажет директор. Деньги приготовленные лежат в кассе. Ключи у меня.

- И это весь твой план дальнейшего действия?

- Весь. А что может быть еще? А у тебя разве что-либо другое?

- А почему бы тебе не взять винтовку и не встать на баррикады, которые мы вчера сделали около шоссе, то есть присоединиться к Красной Армии или пойти в партизаны?

- Нет. Дураков мало. Чтобы я сам лез в пекло, в чертову пасть - желаю такого счастья каждому. Пока не трогают, зачем я сам пойду? Я думаю, в тылу будет намного лучше.

- Безусловно, лучше. Но ведь ты гражданин Советского Союза, ты должен, ты обязан, если есть у тебя совесть, идти защищать Родину, ведь твой дом будет разорен, ты останешься без крова.

- Но знаешь, не всем же воевать, кому-нибудь нужно оставаться в тылу.

- Ну, что ты затвердил: все тыл и тыл... Ведь ты в тылу уже не нужен, ты здесь сделал свое дело.

- Ну, и что же, для нас дела хватит. А ты разве не поедешь с нами?

- С кем это с вами? Дронов сбежал. Остаются вы вдвоем: ты и Зайцев. Костин и я уже решили остаться здесь, а куда попадем, не знаю, но мне очень хотелось бы попасть в партизаны, и Костину тоже, а если этого не случится, тогда будем драться вместе с Красной Армией.

Хамов иронически улыбнулся и сказал:

- Дуракам закон не писан.

- Ну, это ты слишком. Ты понимаешь, я долго думал, кто я и что должен делать. Я мог остаться в тылу, вне войны, лишь до тех пор, пока я работал, тогда можно было думать, что ты тоже немного воюешь, своим трудовым участием. Но когда покинешь, предварительно взорвав, насиженное место, то куда-то бежать от немца, искать теплого местечка мне не позволит совесть. Люди воюют, жизнь отдают, а я должен быть каким-то счастливчиком, прятаться за чужими спинами и за гибелью других? Я буду спасать свою жизнь? Это преступный эгоизм. Так рассуждает не наш человек, поэтому мы с Костиным уже твердо решили, а ты, я вижу, трус.

- Не всем быть храбрыми, как ты. Хорошо говорить, сидя вот здесь, а хотел бы я видеть, как ты будешь петь, когда немец придет сюда.

- Знаешь, дорогой, я нахожусь в распоряжении Родины, и если она потребует мою жизнь для спасения человечества и народа моей Отчизны, я безропотно отдам ее и возражать не могу. Чем

я лучше всех тех, кто уже отдал свою жизнь или хотя бы часть ее? Ничем. Я такой же смертный и обыкновенный, как все, к тому же быть трутнем - это омерзительная роль в жизни, это свойственно только вырожденкам общества, а я рос, воспитывался, учился за счет людей нашей Родины. И за все это вместо благодарности - прятаться ради эгоизма? Нет, этого не будет.

- Ну, ну, патриот, давай за меня тогда парочку немцев убей.

- Нет, Александр Васильевич, ты нехорошо смотришь, не как гражданин Родины, когда она в опасности.

Не желая больше продолжать разговор, Борисов встал, прошелся по комнате, вынул папиросу, закурил и сказал:

- Я пойду к себе, буду в кабинете, позвонишь, если что.

Придя к себе в кабинет, Борисов лег на диван и, перебирая в памяти весь только что произошедший разговор, думал: "Неужели еще есть такие люди, как этот Хамов, который живет ради своей собственной шкуры, у которых личная жизнь превьше всего. Насколько эти люди низки, от них несет гнилью их собственного тщеславия, они полны эгоизма, невежества, грубости. Ради своей собственной мерзкой душонки они могут сосать чужую кровь, лишь бы самим дышать; они не задумываются, не хотят понимать, что существование Родины есть их собственная жизнь, они думают, что именно они вершат всю большую жизнь и только они могут двигать ее, а простой народ предназначенся исключительно для черновой работы. Он, этот народ, должен завоевывать, приносить им благополучие... Но они не знают, что этот народ благороднее их в несколько раз, что в народе есть душа, есть прекрасные чувства любви к своей Родине, что этот народ простой, мало разбирающийся в событиях своим сознанием, зато он все постигает чутьем, своим инстинктом. А они, выбравшись в силу обстоятельств судьбы из этого же народа и почерпнув некоторых знаний, считают себя слишком умными и уже не желают идти вместе с народом. Эх, Хамов, Хамов, какой ты отвратительный, пресмыкающийся, ползучий, разложившийся до мозга костей человек, нет, ты не человек, ты животное в маске человека... И как мне хочется растоптать это насекомое, которое может укусить».

Дальше он не мог думать, его нервы все это время были натянуты, как струны, и сейчас они больше не выдержали

напряжения и лопнули. Он быстро встал с дивана, ударом ноги открыл дверь, поднялся по лестнице на чердак и вылез на крышу. Порывистый ветер лизнул его холодным языком, и ему сразу стало легче.

Утренняя заря белой полоской протянулась на востоке. Мглистые разорванные облака быстро плыли над низкими крышами домов, изредка роняя мелкие капли холодного дождя. Дома, деревья были подернуты серой дымкой утреннего рассвета, и по грязной дороге пошли первые проснувшиеся жители.

Борисову стало легче, тяжелые думы стали исчезать вместе с ночью, и он даже немного повеселел, и разгладилась складка между бровями.

Здравствуй, утро, прощай, тревожная ночь, а сколько еще их таких будет?

Борисов прошелся по карнизу крыши, остановился и посмотрел на распластавшийся в дремоте город. Вправо от него, фыркающая и отдуваясь, тянула длинный состав маленькая «овечка», и было видно, как она, скрежеща колесами, поворачивая их, едет, медленно передвигая вагоны, груженные людьми и пушками. Влево, подернутая туманом, катила свои зеркальные воды Ока, дальше за ней расстилались луга, упирающиеся в массив леса, а прямо перед ним лежал еще не проснувшийся город с беспорядочно проложенными улицами, его маленькие домишки, словно от утреннего холода, заборами плотно прижались друг к другу, напоминая толпу народа на базарной площади.

- Вот уже семь лет прошло с тех пор, как я вышел из вагона и шел по вокзальной улице вот сюда, где сейчас стою. Вот та улица, она не изменилась за семь лет. Здесь я провел свою молодость, здесь была моя первая любовь, здесь я собирался провести остаток жизни. И неужели придется все оставить и забыть навек самое дорогое - мечту о счастливой жизни? Да что там думать, гадать, все равно не узнаешь, где упадешь. Нужно спокойнее переносить горе и тревогу, возможно, так будет лучше.

Успокаивая себя, зная, что он говорит ложь, Борисов слез с крыши подстанции и направился к Хамову. Хамов лежал на диване с закинутой головой и шумно храпел.

Из его открытого рта вырывались какие-то непонятные звуки, похожие на свист и клокотание кипящей в котле воды. Посмотрев на это безжизненное тело, Борисов с негодованием и злобой выговорил:

- Как он может так, как свинья, беспечно спать, что вообще чувствует это животное в образе человека?

После вечернего разговора Борисов иначе и не думал о Хамове, как о свинье в образе человека. И сейчас ему вспомнилась басня Крылова "Свинья под дубом." Ведь Родина его вскормила, ему дали свободу, образование, и чтобы все это он получил, не один десяток хороших людей отдали свою жизнь, когда советская власть делала первые шаги. А он теперь и не задумывается над прошлым, и что ему до настоящего, за него все сделают другие, а тяжелое он просто проспит. На этом Борисов оборвал свою мысль и громко крикнул:

- Подымайся! Так можно проспять всю войну или проснуться однажды, а фриц вот так, как я, будет стоять над тобой и мух стонять. Приятный будет сюрприз.

Хамов от громкого окрика Борисова почему-то испугался, подпрыгнул на диване и, хлопая маленькими свинными глазками, сердито предупредил:

- Вот что. Я тебе не мальчик, чтобы шутить, а в следующий раз я за такие вещи буду выгонять из кабинета... Ну, полно, полно тебе сердиться, из-за таких пустяков дружбу терять, считаю, не стоит.

При слове "дружба" Борисова всего передернуло, его челюсти сжались, и желваки заходили по щекам. Как он мог дружить с таким бездушным типом раньше? Он чувствовал, как к нему приливает ненависть, даже презрение к этому человеку, которого раньше он считал своим товарищем. Обернувшись к Хамову, он сказал:

- Ну, кажется, ночь прошла спокойно. Александр Васильевич, с рабочими нужно что-то делать, они вторые сутки ничем не заняты, а это действует разлагающе, народ разболтался, потом трудно его будет вводить в нормальную колею. Нужно что-то придумать. Заводы эвакуируются, может быть, и нам освободившееся оборудование снять? Ты запроси директора.

Хамов, потягиваясь и зевая, ответил:

- Там лучше знают, что делать, чего мы будем искать хлопот на

свою голову? К тому же вчера пришел проект маскировки транзитных подстанций.

- Маскировать подстанции? Я не знаю, какой дурак сидит в управлении! Когда все заводы переводят в глубь страны, мы оставляем свое оборудование да еще будем тратить государственные деньги для того, чтобы все смыло дождем. В такие трудные для нашего государства дни мы не считаемся со средствами! Маскировка в такое время - это просто государственное преступление. Спрашивается, что она даст?

- Если бы она не оправдывала свое назначение, тогда бы ее не делали.

- Александр Васильевич, пойми, ты рассуждаешь не как инженер. Почему ты сквозь пальцы смотришь на такие бездарные действия некоторых людей? Взвесь все, и тогда поймешь, что это ненужная работа.

- А я и взвешивать не хочу, мне предписывают - я обязан выполнять.

- Тебе завтра предпишут, чтобы ты залез на крышу и кричал оттуда петухом, и будешь это делать?

- Глупое сравнение.

- Нет не глупое. Нужно доказать в управлении, что маскировка бесцельна, зряшная трата денег и материала. Лучше было бы снять ненужное оборудование и отправить, это было бы разумней.

- Наш разговор ни к чему не приведет, мы люди маленькие.

- Да, но директор что думает? Ведь он должен беспокоиться. Нет, все-таки наш директор тупоумный, и зачем только таких держат?

- Ты все-таки сегодня позвони ему.

Борисов встал, надел кепку:

- Пока люди еще не пришли, пойдем пить чай.

~~Не сказав больше ни слова, он вышел и направился к себе на квартиру.~~

Пока кипятилась вода на электрической плитке, Борисов сидел задумчивый и суровый, перед его глазами словно проходили вереницы картин, нарисованных воображением, как он будет совершать диверсии в партизанском отряде, как он, никогда не резавший курицы, будет убивать немцев. Когда дело дошло до немцев, Борисов, не замечая сам, встал, кулаки его были

сжаты, зубы стиснуты, и будь рядом кто-нибудь, он услышал бы их скрежет. Неизвестно, долго ли бы еще он пробыл в таком оцепенении и во власти злобы, но вскипевшая вода полилась через край и зашипела на горячей плитке. Борисов снял чайник, налил в стакан и сел пить, все такой же задумчивый, с нахмуренными бровями.

На производстве Хамов уже ждал Борисова и, как только тот появился на пороге, с иронией сказал ему:

- Ну, патриот, разрешение от директора на демонтаж оборудования получено, к тому же его нужно форсировать, а маскировку делать не станем. Вагоны будут дня через три.

Борисов, обрадованный новостью, проговорил:

- Вот это разумное решение. В отношении директора беру свои слова обратно, - и вышел от Хамова.

Борисов вошел в мастерскую к рабочим и, желая узнать их настроение, как бы между прочим сказал:

- Что-то скучно без дела, тоска какая-то.

Все в один голос, как будто сговорились, перебивая друг друга, начали жаловаться, что их бросили, забыли, что они сами от бездельного измору чуть ли не волком воют, и, обращаясь к Борисову, старший Бородин сказал:

- Ты, Владимир Петрович, дал бы хоть что-нибудь поработать, все истосковались, ходят как шальные.

- Вот я за этим и пришел к вам. Вот что, орлы, сейчас будем демонтировать оборудование, упаковывать и возить на станцию, весь запас материала тоже нужно запаковать. Только быстрее надо все сделать, людей будет много, все управление станет работать у нас, на железной дороге готовятся к отправке трансформаторов. В общем, делов будет, как говорят, по горло. Только успевай поворачиваться.

У всех рабочих лица сразу просияли, и Бородин сказал:

- Ты знаешь, Владимир Петрович, не было такого случая, чтобы мы подкачали, а сейчас и тем более - немцу и винтика не оставим.

- Вот это и хорошо, давайте приступать.

Весь этот разговор Борисов внешне держался спокойно и не проронил ни единого слова сожаления, и только когда ушли рабочие, его сразу охватила сверлящая боль в груди: он отдал распоряжение разорять свое гнездо, за которым ухаживал

столько лет.

Война, война, сколько ты еще разоришь таких красивых, уютных гнезд? Сколько ты оставишь бездомных сирот, калек? Сколько ты прольешь крови? Но нет, паразит, ты не сломаешь нас! Ведь с нами Сталин, а где он, там и русский народ; Сталин в Москве, значит, весь русский народ в Москве. Москва - неприступная скала, она слита из стали! Она скреплена сталинской конституцией, она самый крепкий дот в мире, поэтому, Володя, работай уверенно и спокойно, это будет одиночный твой винтовочный выстрел, который вольется в единый могучий, всепотрясающий и разрушающий залп многомиллионного нашего народа. Так сказал Сталин 3 июля. Так и будет.

Увлеченный работой, Борисов не замечал, как проходили дни, и к концу октября все мелкое оборудование было демонтировано и свезено на железнодорожную платформу под погрузку. Он также не замечал все это время отсутствия Дронова. Как-то однажды, сидя у Хамова, спросил:

- Александр Васильевич, а где же наш хозяин? Я за этой работой даже не заметил его отсутствия.

- Не знаю, уже несколько раз звонил директор и спрашивал его.

- Выходит, серьезно, сбежал?

- Видимо, так.

- Да, вот это номер... Выходит, продал свою душонку дьяволу.

На следующий день в последних известиях объявили Указ Президиума Верховного Совета об уголовной ответственности за самовольный уход с производства. Услышав это, Борисов побежал к Хамову и рассказал об этом указе. Хамов выслушал и одобрил:

- Крепкий указ. Алексей Федорович, наверное, его не знает, а потому влипнет, как пить дать, по самые уши.

- Вот и хорошо, все равно же он теперь показал свое лицо продажного труса, и держать таких в обществе будет преступление, так как они есть бактерии-заразы, их-то и нужно убивать в самом зародыше.

- Посмотрю на тебя, горяч ты слишком, может быть, он больной где-нибудь лежит.

- Вот именно где-нибудь, даже ты целую неделю ищешь его и не найдешь. Посмотришь, он скоро объявится, и ты тогда

